

ПЛАНЕТЫ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

12

2006

• Несспособных детей не бывает, но встреча с хорошим учителем – едва ли не главное на жизненном пути
• Пионер космической биологии ака-

демик Н. М. Сисакян считал, что «закрыть космос перед естественными науками означало бы отрубить крылья птице, которая стремится ввысь и живет только в состоянии полета» • Заменив в городской новогодней иллюминации лампочки на светодиоды, можно сэкономить 85% электроэнергии
• Не мистика, но сила: классическая музыка вдохновляет, лечит, повышает производительность тру-

да • Традиционно «на закуску»: немного о конструировании елочных игрушек и приготовлении праздничных блюд. Счастливого Нового года!

АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ: ВЗГЛЯД

28 ноября 2006 года исполнилось 100 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ученый ушел из жизни в сентябре 1999-го, и сравнительно небольшой исторической дистанции хватило для весьма основательного расширения представлений о роли и сути его научного наследия.

Текущий 2006 год был объявлен в стране «Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Лихачева».

Доктор культурологических наук, профессор А. ЗАПЕСОЦКИЙ (Санкт-Петербург).

Любопытно, но при жизни Дмитрия Сергеевича признание его вклада в науку ограничивалось литературоведением — с 1937 года основным местом работы Лихачева был Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук. Коллеги ученого по литературоведческому цеху практически сразу оценили значение таких его трудов, как «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), «Человек в литературе Древней Руси» (1958), «Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков» (1962), «Поэтика древнерусской литературы» (1967) и другие. Наибольшее академическое признание Д. С. Лихачеву принесли исследования, связанные с памятниками письменности: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Поучения Владимира Мономаха», «Послания Ивана Грозного»...

В то же время статьи и книги академика о России — о ее культуре, истории, нравственности, интеллигентии — не подвергались сколь-нибудь серьезному научному анализу, коллеги относили их к публицистике. Как ни

Сразу после церемонии вручения академику Д. С. Лихачеву диплома и мантии почетного доктора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП) состоялось открытие выставки трудов профессорско-преподавательского коллектива Гуманитарного университета. Справа от Д. С. Лихачева — народный артист СССР И. О. Горбачев и профессор А. В. Соколов. 19 мая 1993 года.

странны, но даже такие фундаментальные труды, как «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Культура как целостная среда», «Петровские реформы и развитие русской культуры», или лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная Дмитрием Сергеевичем в нашем университете в 1993 году, не получили своевременной оценки. Более того, в 1995—1996 годах под руководством Д. С. Лихачева была разработана Декларация прав культуры — своего рода научное и нравственное завещание ученого, документ исключительного, мирового значения. А между тем некоторые исследователи его наследия до недавнего времени полагали, что в завершающем десятилетие жизненного пути академик не создал ничего значительного.

Сегодня огромный вклад Д. С. Лихачева в историю и культурологию России уже несомненен, его труды привлекают внимание философов, искусствоведов, педагогов и представителей других отраслей науки. К сожалению, то, что до сих пор нет полного собрания сочинений академика, сдерживает полноценные исследования его творчества. И все же очевидно, что труды Лихачева обогащают широкий спектр гуманитарных наук. Анализируя научное наследие ученого, понимаешь, как по ходу занятий древнерусской литературой ему становится тесно в рамках классической филологии. Постепенно Дмитрий Сергеевич предстает перед нами ученым синтетического типа, свободно работающим практически во всех актуальных для его времени областях гуманитарного знания.

Внимание, прежде всего, привлекает яркая и целостная концепция российской истории, предложенная Лихачевым. Сегодня многие спорят о том, что представляет собой Россия: часть Европы, соединение европейского и азиатского начал (Евразию) или совершенно уникальное, самобытное явление. По Лихачеву, Россия — самая европейская часть Европы. И Дмитрий Сергеевич очень логично, конкретными и весьма впечатляющими примерами это обосновывает. Полемизируя с оппонентами, он пишет: «Россия име-

ла чрезвычайно мало собственно восточного. С юга, из Византии и Болгарии пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера — другая, языческая дружинно-княжеская военная культура — Скандинавии. Русь было бы естественнее назвать Скандинавией, нежели Евразией».

Особое внимание Лихачева привлекают узловые, переломные моменты истории отечества, к примеру специфики XIV—XV веков, которую он определяет понятием «Предвзрождение». Ученый показывает, как в это время происходит сложение русской национальной культуры: крепнет единство русского языка, литература подчиняется теме государственного строительства, архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие, распространение исторических знаний и интерес к родной истории возрастают до широчайших размеров и т.д.

Или иной пример — Петровские реформы. Общепринятую их трактовку как культурный переход державы из Азии в Европу, совершенный по воле ее императора, Дмитрий Сергеевич считает одним из самых удивительных мифов, созданных самим Петром. Лихачев утверждает: к приходу Петра на царствование страна и была европейской, однако в ней назрел переход от средневековой культуры к культуре нового времени, что и осуществил великий реформатор. А между тем, чтобы провести в жизнь преобразования, государю потребовалось серьезно исказить представления о предшествующей русской истории. «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России костной, малоподвижной и т.д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такою энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана», — пишет Д. С. Лихачев.

Из работ академика следует, что гений Петра проявляется (чуть ли не в первую очередь) в радикальном и стремительном изменении общественного мнения: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать демонстративный характер всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит, — это смена всей «знаковой системы» Древней Руси. Он переодел армию, он переодел народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на запад, сменил церковно-славянский шрифт на гражданский». Лихачев полагает, что в основе этих действий — не капризы и самодурство царя и не проявление инстинкта подражания, а стремление ускорить происходящие явления в культуре, придать медленно происходившим процессам сознательное направ-

Дмитрий Сергеевич на обсуждении Декларации прав культуры. Санкт-Петербург. Дворец Белосельских-Белозерских. 10 апреля 1996 года.

ление. Опираясь на историка Щербатого, он пишет, что без Петра на аналогичные реформы России понадобилось бы семь поколений. Однако реформы были закономерны, и их ход был подготовлен «всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV веку».

Дмитрий Сергеевич не только выступает автором собственной концепции истории России. Его историзм многогранен. С одной стороны, можно говорить о нем на уровне осмысливания ученым различных конкретных явлений жизни. С другой — его работы содержат достаточно материала для понимания общих закономерностей исторических процессов.

Труды ученого (особенно в период, завершающий его научную биографию) говорят о том, что Лихачев посматривает историю человечества и первую очередь как историю культуры. Именно культура, по глубокому убеждению академика, составляет смысл и главную ценность существования человечества — как народов, малых этносов, так и государств. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой жизнедеятельности. В этом отношении характерно выступление Д. С. Лиха-

Во время дискуссии «Судьба российской интеллигенции». Слева от Д. С. Лихачева — народный художник СССР, скульптор М. К. Анюшин, справа — художественный руководитель Академического театра балета «Хореографические миниатюры» народный артист СССР А. А. Макаров. 3 декабря 1996 года.

чева на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «У нас нет культурной программы. Есть экономическая, военная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства».

По сути, ученый предлагает культуроцентрическую концепцию истории. В соответствии с нею он и отдельных исторических деятелей оценивает не по успехам в войнах и захватам территорий, а по влиянию на развитие культуры. Так, к личности и деятельности Ивана Грозного Д. С. Лихачев относится явно негативно, хотя и признает несомненные таланты царя, в том числе литературные. «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами».

Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Д. С. Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художественном творчестве и стал одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

В общем потоке культурных трансформаций академик выделяет главенствующий вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для него — в высокой степени синоним гуманистического. В итоге Лихачев создает подлинно гуманистическую концепцию исторического развития.

Особый интерес к культуре в сочетании с уникальной научной эрудицией позволили Дмитрию Сергеевичу оказаться на гребне междисциплинарных научных исследований в гуманитарной сфере, приведших в конце

XX века к формированию новой отрасли знания — культурологии. Если с позиций современного научного знания оглянуться в прошлое, то можно сказать, что рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встал фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная, не менее масштабная. Академик Лихачев — великий культуролог XX века. Никто, думаю, не постиг сути нашей культуры лучше, чем он. И именно в этом его величайшая заслуга перед страной. Взор Дмитрия Сергеевича сумел охватить культуру России в динамике ее исторического становления и развития, в ее системной целостности и в удивительной, прекрасной внутренней сложности.

Рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Д. С. Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. В его понимании русская культура всегда была по своему типу европейской и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе. При этом главной особенностью русской культуры является ее соборность — по мнению Лихачева, одно из специфических начал, характерных для европейской культуры. Кроме того, в числе отличительных особенностей Дмитрий Сергеевич упоминает устремленность в будущее и традиционную «неудовлетворенность собой» — важные источники всякого движения вперед. Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием более широких культурных комплексов.

Прослеживая становление культуры Древней Руси, Лихачев считает особо важным приобщение славян к христианству. Не отрицая татаро-монгольского влияния, ученый тем не менее характеризует его как чуждое и в целом отвергнутое. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как «вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное». Более того, длительный период после освобождения от татаро-монголов развитие русского народа шло под знаком преодоления «темных веков ига» чуждой культуры.

Происхождение славянской культуры академик рассматривает во взаимосвязи с греко-византийским культурным пластом. В ряде своих трудов он весьма убедительно, на конкретных и впечатляющих деталях показывает, как это взаимное влияние, утверждая, что оно соответствовало глубинным потребностям развития русской культуры. В момент становления на общенациональном уровне (XIV—XV века) русская культура несла в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на слож-

ную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой — в ней явственно сказывалась органическая связь с культурой всего восточноевропейского Предвзрождения.

Несмотря на то что развитие русской культуры тогда происходило преимущественно в религиозной оболочке, ее памятники (в высших своих проявлениях) позволяют сегодня говорить о внимании к личности, человеческому достоинству, высоком гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к широкому, общеевропейскому культурному комплексу.

Ну и, наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение «Повесть временных лет» (начало XII века). Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане. Тесные отношения Руси с финно-угорскими и литовскими племенами, чудью, мерей, весью,ижорой, мордвой, коми-зырянами. Государство Русь и его окружение с самого начала были многонациональными. Отсюда характернейшая черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм.

Особое место в трудах Дмитрия Сергеевича Лихачева занимает культурологическое исследование Санкт-Петербурга, его выводы и здесь проливают свет на многое. Ученый выделяет характерные только для Петербурга черты, свойственные трем векам его существования. Прежде всего — органическое сочетание лучшей европейской и лучшей русской. По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — город общемировых культурных интересов, соединивший в себе градостроительные и культурные прин-

ципы различных европейских стран и допетровской Руси. При том суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры. Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считает «его научную связь со всем миром», что тоже превращало Петербург в «город общемировых культурных интересов». Другая существенная сторона Петербурга — академизм во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне — в зодчестве, так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.». Академик отмечал, что в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер.

Именно в Петербурге появился и получил развитие тот особый, а в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры, называемый интеллигенцией. По мысли Лихачева, это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. О том, что составляет суть понятия «интеллигент», о роли российской интеллигенции шли бурные дискуссии в нашем университете. В них активно участвовал Дмитрий Сергеевич. В результате родилось определение: интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью. «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных», — писал Дмитрий Сергеевич.

Участники дискуссии «Судьба российской интеллигенции». Зал дворца князей Белозерских-Белозерских полон. 1996 год.

12 марта 1998 года состоялась знаменательная церемония — имя замечательного музыканта М. Л. Ростроповича было занесено на памятную доску Гуманитарного университета. Слева направо: композитор А. П. Петров, писатель Д. А. Гранин, М. Л. Ростропович, Д. С. Лихачев и профессор А. С. Запесоцкий, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета.

В общефилософском смысле интеллигенту свойственен особого рода индивидуализм человека общественного, сопряженного с обществом этическими императивами, в русской трансляции — совестью. Интеллигент руководствуется интересами народа, а не власти. И в дореволюционном Петербурге интеллигенция самопроизвольно, «снизу» объединялась в «общества и сообщества», «общественные формирования», где собирались люди, объединенные специальностью, умственными или мировоззренческими интересами. Система таких неформальных и независимых от государства обществ рождала общественное мнение — орудие не менее мощное в некоторых ситуациях, чем политическая или законодательная власть. «Эти общественные объединения, — пишет Лихачев, — играли колossalную роль, преж-

Почетные граждане Санкт-Петербурга академик Лихачев и заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП профессор Бобров в День библиотекаря. 27 апреля 1999 года.

де всего, в формировании общественного мнения. Общественное мнение в Петербурге создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д. Именно здесь возникала и репутация людей».

Для интеллигентии мораль как категория обоюдоострая, как синтез личного и общественного есть единственная власть, которая не лишает человека свободы, напротив, именно совесть и является истинной гарантой свободы. Соединяясь в едином целом, воля и мораль создают стержень человека — его личность. Поэтому-то «самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность». Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейской (христианской) традиции.

Таким образом, великие начинания Петра по преодолению отсталости от Запада в сферах науки и образования завершаются безусловным и вполне очевидным успехом. Петербургская культура утверждает себя в качестве одного из высших проявлений культуры общемировой.

Декларация прав культуры, созданная группой сотрудников Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов под началом Д. С. Лихачева, стала своего рода вершиной его жизненного пути. Это послание ученого мировому сообществу, послание в будущее. Идея Декларации заключается в следующем. Современный этап развития цивилизации породил необходимость официально принять международным сообществом, правительствами государств ряд принципов и положений, необходимых для сохранения и дальнейшего развития культуры как достояния человечества.

В Декларации сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. Неслучайно в ней говорится, что культура представляет главный смысл

и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и государств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла. Право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь и другими правами человека. Культура — условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества.

В Декларации вводится понятие «гуманитарная культура», то есть культура, ориентированная на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это ясно: ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усиливает экспансию антигуманых ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культуры своей сущностной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Именно поэтому государства должны стать гарантом возвращения гуманитарной культуры, этой духовной основы и возможности развития, совершенствования человека и общества.

Интересно, что в Декларации Д. С. Лихачев дает свое, альтернативное понимание глобализации. Он видит в ней процесс, движимый в первую очередь не экономическими, а культурными интересами мирового сообщества. Глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества. Ее неверно понимать только как экспансию мировых корпораций, переток кадров и сырьевых ресурсов. Человечеством должна быть выстроена концепция глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития.

На различных российских общественных форумах Декларация получила одобрение научной и творческой интеллигенции страны.

Академик Лихачев и писатель Даниил Гранин во многом единомышленники.

МИД России добился отражения ряда ее положений в принятых ЮНЕСКО Декларации о культурном разнообразии (2003) и Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005). На повестке дня — работа над ее целостным принятием мировым сообществом.

Личность Дмитрия Сергеевича Лихачева — ярчайшее явление российской и мировой культуры — стала одним из символов ее величия. Профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex Робин Миллер-Гулланд справедливо сказал о Лихачеве: «С подлинным интернационализмом своих взглядов он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению. Мы все еще долго будем пользоваться плодами его неуставной деятельности».

Далее представляем читателям выдержки из выступлений и лекций академика Лихачева.

НАУКА И ЖИЗНЬ ХРЕСТОМАТИЯ

НАС ЖДЕТ ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЕМ САМИ

Из выступления в дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?». Октябрь 1998 года. Дворец Белосельских-Белозерских.

Дорогие друзья! Прежде всего я хочу сказать, что позиция абсолютного пессимиста или абсолютного оптимиста нереальная, это скорее персонажи для карикатуристов, сатириков и сочинителей анекдотов. В реальной жизни пессимизм и оптимизм должны сочетаться в человеке, то есть он должен видеть как все дурное и злое в

том, что его окружает, так и хорошее, и в этих условиях вырабатывать свое поведение, свою позицию. Конечно, у нас сейчас преобладает пессимизм, и это имеет свои исторические корни.

70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимисти-

ческих учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична. И с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения; в основе всего искали классовую борьбу, то есть ненависть. На этом воспитывалась наша молодежь. Что же удивляться, что у нас в отношении нравственности установились пессимистические нормы <...>

Но дело не только в том, что материя не является основой духовности, а в том, что сами законы, которые предписывает

наука, порождают этот пессимизм. Если от воли человека ничего не зависит, если история идет своими путями, независимо от человека, то ясно, что человеку не за что бороться, а значит, и не нужно бороться.

Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждет нас в будущем?»,

не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет.

ПЕТЕРБУРГ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Из актовой лекции, прочитанной 19 мая 1993 года, в день вручения Д. С. ЛИХАЧЕВУ диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП. Театрально-концертный зал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Мне хочется сегодня выделить характерные только для Петербурга черты,ственные всем векам его существования, которые необходимо поддерживать в будущем. Можем ли мы в самом деле говорить о существовании специфических русских черт в культуре нашего города? Я думаю — можем. Можем, если не будем придерживаться некоторых устарелых взглядов на наш город и, прежде всего, того утверждения, что Петербург не столько русский, сколько европейский город, и что, дескать, Петр изменил характер русской культуры кардинальным образом.

Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику — самый европейский из русских городов. И из этого исходят, характеризуя русскую культуру. Да, это так, но и не так!

Европейские города в основном восходят к Средневековью, и в древнейшей своей части характер этих городов совершенно иной. Это очень узкие улицы, концентрическая планировка, которая как будто кружит вокруг своего цент-

ра. С этой точки зрения более европейскими кажутся Таллин, Вильнюс и другие подобные им города.

Таким был и Париж до его перестройки Османом. Но Петербург не похож ни на один из европейских городов. Мне приходилось писать, что для Петербурга характерно совсем другое. Главное в облике нашего города — четко выраженные горизонтали. Первая горизонталь — это линия соприкосновения воды и земли на колоссальных пространствах разветвленного устья Невы. Благодаря отвесным набережным, которые имеются только в Петербурге, это идеально прочерченные линии. Линия соприкосновения воды и земли — самая важная.

Другая горизонталь — это ровный, всегда одинаковый уровень набережных. И третья горизонталь — четкая линия домов, линия соприкосновения крыш домов и неба, которая регулировалась специальными постановлениями: не выше Зимнего дворца.

К этим горизонтальным восходят вертикали: перпендикуля-

Академик Лихачев выступает перед слушателями в День знаний на Университетской площади Санкт-Петербурга. 1 сентября 1995 года.

ры Петропавловского, Михайловского и Адмиралтейского шпилей как бы подчеркивают основные горизонтали города.

Между тем в Петербурге можно найти и довольно много архитектурных традиций Москвы XVII века, которые продолжены здесь, несмотря на петровские преобразования. Их легко обнаружить в планировке зданий Двенадцати коллегий. Двенадцать коллегий — это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. Башня Адмиралтейства с въездной аркой и шпилем над ней напоминает части древнерусского кремля. Старые традиции можно найти даже в сводах Меншиковского дворца: там и псковские, и новгородские своды.

Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге, — гостиные дворы, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все они имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов. В Петербурге их сразу несколько: Большой Гостиный двор (угол Невского проспекта и Садовой), Апраксин двор, Никольский двор, Андреевский рынок и так далее. Наличие гостиных дворов в Петербурге придавало его торговле вид и характер, типичные для русских городов.

Русский характер придавался Санкт-Петербургу и русскими церквями, которые в XIX веке стали строиться в так называемом «русском» стиле архитекторами К. А. Тоном, А. И. Штакеншнейдером и другими. Особенно много строил Тон, но именно его церкви в Петербурге почти все уничтожены. Стиль этот не был подражательным, он во многом

отвечал потребностям церкви. Подражание обычно в какой-то мере отрывает содержание от формы. Здесь этого не было. Например, колоколы требовались по законам церковного богослужения; пятиглавия соответствовали русскому религиозному сознанию. Наконец, обильное золочение, которого не имел ни один крупный храм на Западе. Золото куполов — очень ха-

рактерное русское явление, русское с XII века, и оно ярко выражено в Петербурге.

Замечательным примером продолжения русских традиций в истории русского Петербурга является Благовещенская церковь на Васильевском острове, созданная в середине XVIII века. Кто был строителем этой церкви — неизвестно, но здесь видно влияние архитектурных традиций

Москвы XVII века, которых в самой Москве уже не было. Церковь эта, точнее, ее истинно русская архитектура отмечалась неоднократно в литературе. И я обращаю ваше внимание на нее потому, что это изумительное чудо. Чудо соединения Петербурга с остальной Русью. Таким образом, нельзя говорить о псевдорусском стиле зодчества второй половины XIX века.

Дмитрий Сергеевич Лихачев со студентками в библиотеке СПбГУП. 19 мая 1993 года.

Зачем нужна особая Декларация прав культуры при наличии многих десятков различных установлений, от имени государства вроде бы защищающих культурные, исторические, научные и прочие ценности?

Дело в том, что культура не ограничивается памятниками культуры и истории, как не ограничивается научными открытиями и составляющая единое целое с культурой наука. Театр — это не только отдельные постановки, хотя бы и взятые в целом. Искусство — это не совокупность памятников культуры, как и история — не совокупность документов о прошлом. Ювелирные изделия не составляют собой ювелирное искусство. Произведениями живописи не ограничивается живопись.

Необходимо не только заботиться о сохранности отдельных произведений искусства, свидетельствах истории или научных открытиях, но и защищать права на их существование, безопасность, доступность как для специалистов, так и для всех интересующихся. Мы должны оберегать всю сферу культуры, свободу культурной (в том числе и научной) информации, отстаивать точность информации о культурных ценностях (повторяю — и научных в равной степени). А разве можно быть безучастным к судьбам культуры малых народов, живущих в окружении народов многочисленных и обладающих государственной властью? Особой заботой должны быть окружены архивы, библиотеки, музеи, коллекции, находящиеся во владении государства или отдельных собственников, на-

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Из сборника «Университетские встречи», СПб., 2006.

циональные традиции и обычай, традиционные религии и т. д.

Наша обязанность — поддерживать и совершенствовать культурный климат как наиболее благоприятный для сохранения и развития всех форм культуры. Система образования и информации должна быть построена так, чтобы способствовать развитию общечеловеческой культуры и культуры малых народов — их национального лица, их языка и фольклора.

Культура — она ведь всемирная, не закрытая, а именно открытая эстетическая система. Сколько десятилетий нашу культуру, нашу науку старались отгородить от всего мира «железным занавесом». Ничего не вышло. Она пережила странные, уродующие ее, деформирующие процессы, но выстояла. От народа скрывали истинные шедевры литературы и искусства — Булгакова, Платонова, Набокова, Пильняка, Ахматовой, Кандин-

ского, Шагала, Малевича... Но не скрыть их в мире современных коммуникаций. Произведения этих авторов становились достоянием зарубежья и оттуда, признанные и прославленные, возвращались на Родину. Наша литература, наше искусство обогатили мировую культуру, стали катализатором общественной и духовной жизни. Так литература и искусство зарубежных стран воздействуют на нашу культуру, обогащая нас духовно, эстетически. Важно, чтобы этот процесс шел беспрепятственно. И это одна из целей Декларации прав культуры.

Нам нечего бояться всемирного взгляда на природу и человека, искусство и культуру. Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн.